

ВОССТАНИЕ В АРАБСКОМ МИРЕ: ПОСЕВЫ И ВСХОДЫ

СМУТА, АНАРХИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ: АРАБСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ПУТИ В БУДУЩЕЕ

Е.И. ЗЕЛЕНЕВ

Доктор исторических наук
Восточный факультет Санкт-Петербургского
государственного университета

Ключевые слова: арабские страны, массовые политические волнения, смута, историческое знание

Как писал Робин Джордж Коллингвуд*, историк - не Бог, глядящий на мир сверху и со стороны. «Он человек, и человек своего места и времени. Он смотрит на прошлое с точки зрения настоящего, и он смотрит на все страны и цивилизации с собственной точки зрения. Эта точка зрения правильна только для него и для людей, находящихся в таких же условиях, как он. Но для него она правильна. Он должен твердо придерживаться ее, поскольку не будь этой точки зрения, он бы вообще ничего не увидел»¹.

ТОЧКА БИФУРКАЦИИ**: НАЗАД В БУДУЩЕЕ

Возможных исторических точек зрения на события в Арабском мире с рационально-критических позиций может быть несколько:

1. Волнения и беспорядки, в ряде случаев переходящие в вооруженную борьбу с властями, имеют сугубо внутреннюю предопределенность, а их совпадения по времени в ряде арабских стран - случайность.

2. Налицо системный кризис важного сегмента международных отношений - модели государственного управления в Арабском мире.

3. Важнейшее значение имеет

История рефлексивна.

В переводе с греческого

«история» значит просто

«изучение», а изучение

возможно, если есть субъект

(кто изучает) и объект

(предмет изучения).

Историческое знание никогда

не бывает только знанием

о чем-то в прошлом, но это

всегда знание о себе, во всяком

случае, о собственном

отношении к чему-то

в прошлом.

внешний фактор, поэтому все прошедшие революции столь похожи друг на друга.

4. Мы имеем дело не с кризисом системы государственного управления и не с региональной проблемой, и даже не с международным заговором против арабов, а с одним из этапов «перезагрузки» системы международных отношений на глобальном уровне, инициатива которой исходит из сфер, не связанных непосредственно с национальными интересами отдельных стран.

Предположим, что все четыре позиции имеют право на существование, но последняя из них - четвертая - носит обобщающий характер и указывает на близость к точке бифуркации - к началу качественных изменений протоглобального характера (см. ниже) в мировой политике.

Получается, что события, сходные с теми, что имели место и происходят сейчас в Тунисе, Египте, Сирии, Йемене, Иордании, Марокко, Ливии, Бахрейне, начиная с января 2011 г., возможны также и в других странах

Арабского мира, а может быть, и за его пределами. А разве не похожи эти события на те, что сравнительно недавно имели место в Украине, Грузии, Киргизии, Таиланде? А возможны ли выступления оппозиции по сходному сценарию в России, Китае, Евросоюзе или США?

Опыт событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке убеждает, что, в принципе, да - возможны, более того - вероятны. Дело в том, что энергия тотального протеста, страстность всеобщего неповиновения, рвущаяся наружу из недр человеческой души свобода волеизъявлений появились не сегодня и присутствуют в латентной форме внутри любого общества. Их сдерживает несвобода государственного управления, ограничивает локальная культура цивилизованного политического принуждения, диктатура закона по отношению к неограниченной личной свободе. Но свобода - это не только и даже не столько свобода поступка, сколько свобода нашей подчас интуитивной внутренней работы, предшествующей поступку, и малозаметным, «капиллярным образом» создающей контексты, реальное содержание и смысловые и ценностные надтексты наших поступков***»².

Многие ученые считают, что настоящая история имеет четыре признака: 1) она научна, то есть не рассказывает о том, что знает, а начинается с постановки вопро-

* Коллингвуд Робин Джордж (1889-1943) - английский философ и историк (прим. ред.).

** Точка бифуркации (раздвоения) - момент или отрезок времени, в который происходит непрогнозируемый переход системы в качественно другое состояние (прим. ред.).

*** Контекст - обстоятельства, помогающие понять глубинный смысл данного поступка, надтекст - более общие мотивы этого поступка, связанные с эпохой, поколением и т.д. (прим. ред.).

сов и пытается ответить на них, опираясь на факты; 2) она гуманистична, т.е. изучает сделанное людьми; 3) она (как любая другая наука) служит самопознанию человека; 4) она рациональна - не требует веры, но обосновывает свои ответы, опираясь на критически воспринимаемые источники.

Удовлетворять всем требованиям этого «золотого квадрата» означает достичь вершины научного исторического мастерства. Увы, это не просто, и труднее всего дается последняя четвертая позиция - рационализм исследования на основе критически воспринимаемых источников или очевидных фактов. Это, если так можно выразиться, интерпретационная составляющая исторического знания - она объективна, поскольку опирается на факты, и в то же время субъективна, поскольку «рациональное» каждый понимает по-своему. Именно поэтому рациональный подход отражает личные пристрастия историка. В данном случае мы имеем в виду собственные пристрастия, которые в афористичной форме можно сформулировать так: надеюсь на лучшее, готовясь к худшему.

На Ближнем Востоке и в Северной Африке мы воочию видим быющий наружу ничем не сдерживаемый поток, прежде скованный цивилизационными условностями, человеческих эмоций и чувств.

Европейская историческая наука, начиная с эпохи Возрождения, учитывает эмоциональный фактор в политическом контексте. Именно эпоха Возрождения добавила истории человеческих страстей, которые с того времени стали рассматриваться как необходимое проявление человеческой природы. Три большие области знания - поэзия, история и философия - питались тремя способностями человеческого духа - воображением, памятью и разумом (Френсис Бэкон). Историю принуждали отказываться от претензий предсказывать будущее.

Рене Декарт, добавив к областям знания теологию, заключил, что история, какой бы она ни была интересной и поучительной, не может претендовать на истину, поскольку события, описываемые ею, никогда не происходили так,

как она их описывает. Картезианская, или декартовская, школа истории основывалась на трех принципах: в истории вера не может подменять рассудок; источники надо сравнивать, избегая взаимопротиворечивых; письменные источники необходимо проверять неписьменными. Блистательные умы XVII-XIX вв. внесли вклад в развитие исторического сознания и метода исторического анализа: Лейбниц, Вико, Локк, Беркли, Юм, Вольтер, Монтескье, Гиббон, Руссо, Гердер, Шиллер, Фихте, Кант, Гегель, Маркс, Конт, Моммзен и многие другие питали историю кто - оригинальными идеями, кто - гениальными трудами.

Спектр этих идей и трудов столь широк, что остается отделаться шуткой о том, что все они умещаются между двумя парадоксальными замечаниями. Одно из них принадлежит Блезу Паскалю, написавшему в «Мыслях», что если бы нос Клеопатры оказался короче, то весь облик мира был бы иным. А другая остроумная крайность сформулирована Эммануилом Кантом и гласит, что исторический прогресс всем обязан двум человеческим качествам - абсолютному невежеству и абсолютной порочности, ибо «человек хочет жить легко и в довольстве, но природа заставляет его отказаться от легкой жизни и бездельного довольства и браться в тяжкие труды, чтобы использовать все свои способности ради освобождения от бремени труда»³. Человек не заботится о счастье человека, поскольку природа заложила в него наклонности, побуждающие его жертвовать собственным счастьем и разрушать счастье других.

За всеми этими остроумными высказываниями незримо присутствует принцип исторического универсализма, позволяющий рассуждать о Человеке Мира, не ведая и не зная истинных масштабов Всеобщей, или Всемирной, истории. Практических выводов из вышесказанного два - во-первых, история, и только она, способна преподать и усвоить дидактический урок на основе прошлого опыта человечества, и, во-вторых, историческое знание способно обеспечить максимальную полноту охвата человеческим сознанием «исторической эйкуме-

ны*», перенести локальный исторический опыт на общемировой уровень⁴.

Сегодня «историческая точка зрения» постепенно, но неуклонно смещается с позиции страноведения и регионоведения в направлении миропознания, поскольку позволяет увидеть разрозненные события как взаимосвязанные и устремленные в будущее, то есть готовые в той или иной форме повторяться повсеместно.

В общефилософском контексте история - это наука о будущем, которое стало прошлым. Если угодно, именно история за счет изучаемого прошлого и вероятного исторически предсказуемого будущего придает практически мгновенному настоящему длительность. Именно история помогает человеку ощущать бытие настоящего не одномоментно, а более-менее продолжительное время, чему в немалой степени способствует исторический взгляд на мир как на единое целое.

Так вот, современный мир переживает момент качественного изменения, прощаясь с прошлым и устремляясь в будущее.

Человечество, которое еще недавно трепетно относилось к минувшему и добавляло к различным явлениям прошлого приставку «пост-» (постмодерность**, постструктурализм, постсоветское пространство, посткапитализм, постиндустриализм и т.д.), сегодня, кажется, решилось на новый шаг - перейти от пост- к прото-.

Михаил Эпштейн называет это «радикальным сдвигом в самосознании культуры»⁵.

Это означает, что современный мир с полным основанием можно называть протоинформационным или протоголобальным, не в полной мере глобальным миром, но уже и не миром постмодерности. Этот новый протомир берет из прошлого отнюдь не

* Эйкумена - ойкумена (прим. ред.).

** Модерность, постмодерность (*modernity, postmodernity*) - принятое в мировой, прежде всего западной, исторической науке членение Новой и Новейшей истории, начиная с середины-конца XV в. (ранней модерности). Классическая модерность датируется 1789 (1815) - 1900 (1914) гг., поздняя - последующим периодом. Многие специалисты обозначили 1989 (1991) г. как начало эпохи постмодерности (прим. ред.).

только то, что нам бы хотелось, но и многое, с чем, казалось, мы уже расстались или готовы были вот-вот распрощаться. Прошлое прорастает в будущее. Уловить эту тенденцию - задача историка. Этому и посвящен нижеследующий исторический анализ.

«ИСКУШЕНИЕ, СОБЛАЗН, СМУТА...»

Массовые политические волнения первой половины 2011 г. вызвали сравнительно «мирное» падение режимов авторитарного правления «несменяемых президентов» Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте и Али Абдаллы Салеха в Йемене. Сходные формы общественного протеста угрожают существованию режимов единоличной власти в Сирии, Иордании, Алжире, Бахрейне, возможно, некоторых других странах.

А вот в Ливии события пошли по иному сценарию. Вооруженное противостояние частей регулярной армии, верных полковнику Муамару Каддафи, и поддерживаемой военной мощью НАТО оппозиции подтолкнуло Ливию к гражданской войне. Перед политическими наблюдателями встал весьма нелегкий вопрос о том, как же охарактеризовать ливийские события: как вооруженный мятеж против законной власти или как революцию масс против тирании, смуту, переходящую в анархию, или структурную перестройку общественной жизни, предпринимаемую вооруженной оппозицией.

Смерть Каддафи не дала однозначный ответ на этот вопрос.

Поиск ответа на такие вопросы, рожденные бурным 2011 годом, привлек пристальное внимание историков и политологов не только сущностью происходящего, но и его формой.

По существу, во всех названных странах события развивались и продолжают развиваться по сходному сценарию. В определенных местах происходят массовые скопления протестующих людей различной социальной принадлежности и политических убеждений. Они организуют импровизированные митинги, выдвигают разнообразные политические лозунги, которые, в конце концов, сводятся к одному - свер-

жению существующего политического строя.

Полиция и силы безопасности, призванные поддерживать порядок, оказываются неспособными справиться с массовыми протестами и либо бездействуют, либо переходят на сторону протестующих. Наступает коллапс власти, которым незамедлительно пытаются воспользоваться силы оппозиции, борющиеся за политическое влияние в стране. Особую роль наблюдателя и арбитра, до поры до времени не вмешивающегося в политическую борьбу, во многих странах играет армия.

Хаос и видимое безвластие едва ли могут обмануть внимательного политического наблюдателя: практически все события с первого дня актов «гражданского неповиновения» и до момента свержения «ненавистного политического лидера» проходят по незримо-му сценарию, руководимые в той или иной мере рукой политических манипуляторов. Жертвы, которые несут митингующие, оказываются «горючим материалом», который питает разрастающееся протестное движение. Похоронные процессии собирают в свои ряды все новых и новых участников волнений, превращаясь в массовые шествия, которые, как правило, завершаются столкновениями со сторонниками действующей власти, появляются новые жертвы, еще больше усиливая напряженность.

Между тем, в арабской политической культуре события подобного рода именуются термином *ал-фитна* («смута»). Они весьма широко встречаются в истории практически всех стран региона Ближнего Востока и Северной Африки, а также за их пределами, и представляют собой устойчивую форму политической борьбы.

Начнем с того, что термин *ал-фитна*, или в упрощенной форме без определенного артикля - *фитна* и его производные встречаются в Коране свыше 30 раз, и всегда с отрицательной моральной оценкой⁶. Строго говоря, термин *фитна* охватывает весьма широкий круг явлений и деяний. Понятие «*фитна*» можно перевести на русский язык как искушение, соблазн, мятеж, смута, восстание, безумие, заблуждение и даже неверие. Однако в основе «смысла» этого понятия лежит

значение глагольной основы *фата-на* - очаровывать, околдовывать, соблазнять.

Это накладывает на все слова от данной основы оттенок «неосознанного» и «невольного» поступка, что не может служить оправданием перед Всевышним. В Коране сказано, что *ал-фитна* (в значении соблазн, неверие, смута) - больший грех, чем даже убийство. (Коран. 2:191). «И сражайтесь с ними, пока не будет больше *фитны* (неверия, искушения, смуты)». (Коран. 2:193). «Убивайте их, пока не прекратится *фитна* (неверие, искушение, смута)». (Коран. 8:39).

В сходном значении используется термин *фауда* («анархия»). Соотношение этих терминов можно пояснить следующим образом: крупномасштабная *фитна* обычно перерастает в *фауду*, т.е. разросшаяся смута, как правило, свертывает общество в состояние анархии. Термин *фитна* характеризует особое состояние сознания участников выступления, тогда как *фауда*, скорее, определяет состояние общества, пораженного смутой.

Несмотря на моральное осуждение *фитны* в Коране, попытки использовать стихийное недовольство в политических целях, придать, казалось бы, спонтанному протесту управляемый характер имели место в различные периоды арабо-исламской истории. Впервые в арабской политической лексике термин *фитна* был применен к широко известным событиям 656-661 гг., связанным с борьбой за халифскую власть между четвертым праведным халифом Али и претендентом на халифский престол из династии Омейядов, правителем сирийских областей Арабского халифата по имени Муавийя. Волнения привели к крупному расколу внутри ислама - возникновению сектантского движения *хариджитов*, а в более далекой перспективе - утверждению правящей династии Омейядов и началу религиозно-политического раскола в исламе на суннизм и шиизм.

События, аналогичные тем, которые уничтожили режим Мубарака в Египте, имели место в этой стране и прежде. Так, автор лично был свидетелем «смуты» 1992-1993 гг., эпицентром которой также была площадь Ат-Тах-

мир в центре египетской столицы Каира. Смуты, переросшие в вооруженные столкновения, происходили в Египте в 1919 г. и 1882 г.⁷ Даже события, связанные с приходом к власти албанско-курдского предводителя Мухаммеда Али (1803-1805 гг.), по форме напоминали «классическую смуту» - *фитну*⁸.

СМУТА КАК ФОРМА ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЫ

И все же, в чем специфика современной *фитны* по сравнению с предшествующими периодами? Специфика, по нашему мнению, состоит в том, что с появлением электоральной демократии *фитна* («смута») заняла заметное место в арсенале методов предвыборной политической борьбы.

Один из первых примеров такого рода связан с событиями в Дамаске в 1908 г., когда предвыборная агитационная поездка известного религиозно-политического деятеля Рашида Риды (1865-1935 гг.) в Дамаск, где он призвал голосовать на выборах за кандидатов младотурецкой партии «Единение и прогресс», спровоцировала многотысячные демонстрации протеста. Дело едва не дошло до вооруженных столкновений на межпартийной основе, но неблагоприятное развитие событий удалось остановить с помощью вмешательства лояльных младотурецким властям представителей сирийской религиозной элиты. Именно религиозная элита в лице Джамаль ад-Дина ал-Касими, Абд ар-Раззак ал-Битара и некоторых других богословов выступила в этом случае посредником между населением и властями⁹.

Поиск социальной и экономической подоплеки происшедшего едва ли в данном случае ведет к адекватному пониманию событий, которые вошли в историческую литературу под названием «смуты в месяц рамадан». Более продуктивным представляется их рассмотрение через призму традиционного политического поведения, в частности такую устойчивую форму политического протеста и предвыборной борьбы, как *фитна*.

Российский историк, специалист по Ближнему Востоку И.М.Смилянская выделяет сле-

дующие основные формы смуты, зависящие, прежде всего, от широты вовлеченных в действие народных масс: волнения (*идти-раб*); столкновение, бунт (*тамар-руд*); массовое выступление, мятеж (*исьян*)¹⁰.

Арабская политическая культура, как мы видим, весьма тонко подразделяет протестные выступления, которые объединены понятием *фитна*.

Анализ этой формы протеста в разное время предпринимали разные исследователи: И.М.Смилянская, М.С.Мейер, Сухайль Римауи, Эмиль Тума и многие другие¹¹.

Их наблюдения и оценки наряду с собственными выводами автора этих строк позволяют дать обобщающую характеристику смуте как современному общественному и политическому явлению в арабском мире.

ПЕРЕД БУНТОМ

Итак, общественное протестное движение в форме смуты характерно, прежде всего, для городской жизни. Смуту можно определить как традиционную форму политического поведения, которая, впрочем, в прежние времена применялась исключительно редко. К смуте прибегали, главным образом, городские низшие слои и молодежь, когда им уже не на кого и не на что было больше надеяться.

В психологической подоплеке смута рождена чувством отчаяния и признанием бессилия населения перед властью или какими-либо внешними силами.

Смута - это активное выражение коллективного недовольства. Ее участники своими действиями показывают полную готовность прибегнуть к немирным методам борьбы в случае, если власти откажутся пойти навстречу их требованиям. Это последняя ступень перед бунтом, мятежом, восстанием, но это еще не объявление войны. Именно такой предреволюционный характер движения позволяет ставить под сомнение право властей отвечать репрессиями на эту форму протеста.

Гарантией безнаказанности участников выступления служит его массовость, которая в сочетании с внешней стихийностью становится аргументом, доказываю-

щим правомерность коллективных требований, которые обычно очень конкретны и могут быть немедленно выполнены.

Социальная или идеологическая подоплека, там, где она имеется, не складывается в осмысленную программу действий, не осознается как теория.

Лица, вовлеченные в смуту, как правило, не вполне четко сознают стоящие перед ними политические задачи, расплывчато и эмоционально формулируют свои цели.

Идейный багаж смуты обычно ограничивается немногочисленными требованиями-лозунгами, наиболее типичный из которых: «Долой такого-то!». Редко в этих требованиях звучат конкретные предложения позитивного характера.

В этом проявляется социальная функция смуты, которая состоит не столько в том, чтобы решать какие-либо задачи, сколько в том, чтобы подтолкнуть к их решению тех, от кого это зависит.

Смута может не иметь социальной и экономической подоплеки и очевидных организаторов. Но при этом социальная напряженность служит благоприятным фоном для возникновения волнений, а видимое отсутствие руководства не исключает, даже предполагает существование скрытой при поверхностном наблюдении внутренней пружины, запускающей механизм смуты. Как правило, это политические интересы общественных групп, проводящих определенную организационную работу. Участники смуты, ощущая на себе результаты этой работы, в основной массе не осознают себя сопричастными ей.

Выше уже говорилось о том, по какому сценарию происходит смута. Обычно вначале имеет место локальный конфликт, уличное столкновение, которое участниками смуты выдается за первопричину выступления, тогда как истинные цели старательно маскируются. Толпы концентрируются в местах естественного сбора (рынок, сквер, мечеть, уличные кафе и т.д.). Оттуда, накопив силы, участники выплескиваются на улицы и площади, разбиваются на группы и движутся к различным объектам города, избранным конечными целями движе-

ния, либо концентрируются в одном месте. Возле этих объектов возникают стихийные скопления людей, наступает период неопределенного по времени ожидания, когда власти стремятся оценить степень опасности, исходящей от участников смуты, и избрать методы пресечения беспорядков. Толпа же выжидает, как бы давая властям шанс принять правильное решение, при этом не желая переступать незримую грань, отделяющую законность коллективного протеста от беззакония мятежа.

На этом этапе возможна ошибочная оценка властями характера выступления, объявление его мятежом или даже восстанием. Причиной может быть осознанное завышение властями уровня протеста, на основе холодного политического расчета, что влечет за собой кровавую расправу над его участниками. А может быть и переоценка опасности, поскольку смута внешне приближается к восстанию. На самом деле критическая масса участников смуты при определенных обстоятельствах (речь идет, прежде всего, о характере и уровне организации выступления) вполне позволяет превратить смуту в куда более опасную форму протеста, например, революцию.

В обычных обстоятельствах (без очевидного подталкивания смуты извне) власти поношению не подвергаются, напротив, массы именно к ним и обращаются, и даже складывается впечатление, что народ хочет им помочь. Напряжение гаснет, когда появляются посредники, нередко в лице религиозных деятелей (настоящие организаторы смуты максимально долго сохраняют свое инкогнито). Вообще поиск посредников для переговоров - это важнейшая задача властей, стремящихся к скорейшему компромиссу и примирению.

С помощью посредников могут быть учтены конкретные требования участников смуты, но не затрагиваются коренные проблемы, ее породившие. После этого смута угасает, толпы рассеиваются, однако власти сохраняют верность достигнутому договоренностям и не стремятся наказывать рядовых участников смуты, что само по себе затруднительно, как уже говорилось выше, из-за мас-

совости выступлений и невысокого социального статуса участников, лишаящего их арест политического смысла. Зачинщиков и организаторов смуты, напротив, стараются выявить и примерно наказать, обычно к ним нет снисхождения. Правомерность преследования основывается на негативной оценке причастности к смуте, зафиксированной в Коране, где, в частности, говорится, что имеющие отношение к смуте достойны позора в этой жизни и великого наказания в жизни будущей (Коран, 5:45).

Угроза репрессий по отношению к зачинщикам существенно снижается, если смута приводит к смещению правящей верхушки, но в этом случае изменяются и оценки происшедшего. Смута, завершившаяся сменой власти, порой незаметно для рядовых участников «самоорганизуется» и переименовывается в революцию (*саура*), которая начинает жить собственной жизнью по своим законам. А вот смута, вышедшая из-под контроля, превращается в зловещее *инкыляб* - восстание, вооруженный характер которого открывает двери гражданской войне - страшному бедствию, означаящему тяжелую болезнь государства и общества.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Завершая этот анализ, позволю оставить возможность читателям самим поразмышлять о необыкновенной судьбе старейшей формы политического протеста - смуты - в новых исторических реалиях.

Отмечу лишь, что в нынешних условиях смута утрачивает характер локальной формы протеста, но все больше и больше входит в жизнь как универсальный инструмент давления на власть там, где отсутствуют другие, более цивилизованные формы диалога народа с правителями. Смута становится не только формой поведения, но и стереотипом мышления, неформальной моделью протестного действия, кто знает, может быть и элементом либеральной политической культуры.

В современной информационной среде смута как форма выражения тех или иных политических требований, скорее всего, будет использоваться самыми раз-

ными политическими силами, а «запускать» смуту оказывается весьма удобно с помощью средства мобильной связи и Интернета, но это не более чем облегчение задачи. Механизмы мобилизации людей в рамках смуты в арабских странах отлажены и на традиционном коммуникативном уровне.

Поэтому, солидаризируясь с моральным осуждением смуты в Коране, вынуждены признать, что, по крайней мере, в странах Арабского мира в обозримом будущем события, близкие по форме к смуте (*фитне*), будут создавать фон предвыборной борьбы и действий оппозиционных сил. Политическая стабильность будет зависеть от умения властей справиться с этой традиционной формой протеста, привнесенной из прошлого в новые условия протоголобального мира, образ которого еще не сформировался, так же как не возникла еще и общепринятая глобальная этика, руководствуясь которой будет существовать мировое человеческое сообщество - человеческая эйкумена.

¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980, с. 105.

² Рашковский Е.Б. Смыслы в истории: Исследования по истории веры, познания, культуры. М., 2008, с. 21.

³ Коллингвуд Р.Дж. Указ. соч., с. 98-99.

⁴ Бродель Ф. Время мира. М., 1992, с. 13.

⁵ Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004, с. 24-25.

⁶ Abd-al-Baki, Muhammad Fuad. Al-Muajam al-mufahris li-l-alfaz al-Kuran al-Karim (Снабженный указателем словарь Священного Корана). Al-Kahira, 1987, с. 511-512.

⁷ Голдобин А.М. Египетская революция 1919 г. Л., 1958; Кошелев В.С. Египет. Уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879-1981). Минск, 1984; Зеленов Е.И. Мусульманский Египет. СПб., 2007; Васильев А.М. Египет и египтяне. М., 2009.

⁸ Зеленов Е.И. Мухаммад Али. Борьба за власть в Египте (1801-1805 гг.). СПб., 2002.

⁹ Зеленов Е.И. Османнизм и его роль в общественно-политической жизни Сирии. (Вторая половина XIX - начало XX в.). Л., 1990, с. 68-70.

¹⁰ Смиланская И.М. Городской бунт (Сирия, Египет XVIII - начало XIX в.) // Восток, 1991, № 2.

¹¹ Мейер М.С. Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991; Тума И.И. Филастин фи-ль-ахд аль-усмани. Иерусалим, 1983; Ар-Римауи Су-хайль. Сафхат мин тарих аль-джамиийа фи биляди-ш-Шам (1908-1914). Хизб ал-ля-марказийа. Димашк, 1982, № 15-16.